

Восемь встреч с Учителем

Очерк о Юрии Николаевиче Рерихе

Юрий Николаевич Рерих

Хочется охарактеризовать Наставника в общественной деятельности на общее благо. В работе служебной, общественной, профессиональной труднее всего, не потеряв своего сокровенного облика, остаться самим собой. Существует взгляд, что это невозможно, даже не нужно. Как, например, физик или астроном могут проявить свое сокровенное в жизни?

В "Чаше Востока" названо достаточно имен близких эпох. Тиндаль работал в области акустики инфракрасных лучей, Локмер изучал область астрофизики и электроскопии. Называют Фламариона, бывшего бессознательным проводником. Он популяризатор астрономии. Его книга "Живописная астрономия" издана на всех языках мира и заслужила похвалу Учителей. К сожалению, ложно понимаемая общественность теснит инициативу, убивает творческую оригинальность.

Общественный, государственный, политический стандарты ломают порыв индивидуальности, а если индивидуальность недостаточно сильна, она легко теряет себя в русле безликой стадности. Все же мне мыслится, нельзя не назвать и в нашей жизни, в нашей действительности несколько Обликов, которые в своем выявлении, не потеряв себя, все же смогли идти в ногу с эпохой.

Таковыми были врач и физиолог Павлов, физик Курчатов и инженер-конструктор Туполев, успешно проявляющий себя в области самолетостроения.

Драма Наставника была в том, что его профессиональный облик должен был найти приложение в обстановке, которая с особой боязнью и опасением допускала проявление тех бесценных сокровищ, которые были накоплены в менее боязливой общественной среде.

Эта "капиталистическая" среда терпела освещение жизни, быта и культуры "отсталых" народностей не только с точки зрения экономически-классовых отношений или феодально-рабовладельческих, но и не видела опасности в идее о том, что религиозные факторы у этих народностей были могучими двигателями их духовного и морального прогресса. И в том, что храмово-религиозное творчество создало бесценные памятники искусства и красоты, на образцах которого приходится учиться европейцам.

Прошедший большую школу распознавания, Ю.Н. видел односторонность как одного, так и другого взгляда. Он привык не отрицать ни одного из них, но всю жизнь посвятил объединению их в Высшем Духовном Синтезе. Поэтому первые попытки после возвращения на Родину говорить и выступать объективно принесли ему много огорчительных ударов. Но слишком прекрасна Душа была у этого Человека и слишком открыты и правдивы действия, чтобы считать его врагом.

Быстро шло время. Не годами, а месяцами происходили перемены. Широта материальной "заботы о человеке" перерастает в беспокойство о его "духовном росте".

Не знают, что творят люди. Пусть думают, что их руки строят самолеты, их мозги исследуют чудеса энергии атома, пусть думают, что Рерих и его Сын полезны для "духовного роста" граждан, хотя и идеалистичны. Но ведь творческую фантазию сказок назвал когда-то Горький двигателем культуры. Ведь они только прекрасные фантазеры, потому не так опасны, ибо не возвращают народ к религиозным предрассудкам. Все это видел и чувствовал, понимал Наставник.

И видел он — сама Жизнь шла навстречу Его Миссии, перемешивая удивительные удачи с огорчениями. Сегодня приглашают читать лекции о буддизме преподавателям марксистских дисциплин Музеев, завтра зовут на совещание в Министерство Культуры,

где обсуждался вопрос об искусстве Индии, послезавтра он дает консультации о неисследованных остатках древних культур...

Он ведет аспирантуру, редактирует, помогает молодым авторам, ездит в азиатские республики для помощи в организации работы и освоении говоров монгольских и тибетских. Работает с утра до сумерек. И все же "чья-то рука" норовит толкнуть, "чем-то" укусить.

"Дхаммапада", на редактирование и перевод которой положено много сил, перевод которой осуществлен с пали под руководством Ю.Н., и комментарии к которому составлялись с его помощью, имеет странные и непонятные на первый взгляд противоречия: на заглавной странице крупным шрифтом отмечено, что "перевод с пали осуществлен сотрудником Института (названа фамилия), а в конце обширного в 54 страницы введения выносятся благодарности двум товарищам, "сделавшим много ценных замечаний". Причем оказывается, что перевод сделан с английского текста в книге Радхакришнана и "только учитывались разночтения", — это значит учитывался текст на пали. Тогда к чему же в заголовке: "Перевод с пали"? Когда читаешь эти прилизанные строки, этот микроскопический шрифт — "Ответственный редактор Ю.Н.Рерих", — нужно почувствовать, сколько благородной крови потеряло это прекрасное сердце.

Конечно, правдивые комментарии давал специалист, лучший знаток буддизма в Европе, Ю.Н., но они не были приняты, ибо не были "выдержаны". О какой же благодарности Ему могла идти речь? Отсюда и "конфуз" с двойным переводом. Конечно, на совещании, утверждая издание к печати, учли "свободу высказывания".

"Опричнина" выступила во всеоружии, упрекая редактора в идейной невыдержанности, заставившей вынести благодарность "идейным консультантам". Остальные члены совещания кивали сочувственно в сторону автора и благородно молчали.

Если бы Наставник имел большой иммунитет против двуличия, он бы спокойно выслушал "указания", зная, что это "товарищеский совет", и постарался бы более не повторять подобных "ошибок". Но ведь исправление "ошибок" означало изменение "Сокровенного Облика", т.е. невыполнение обета. Пусть это были испытания, но сколько их было за три года креста! Благословенный знал, что Ученик выдержит все испытания, сколько бы их ни было в будущем, но слишком дорого было это Сердце, чтобы допустить Его еще барахтаться в тине пошлой обыденщины. Задание выполнено, сдвиг сознаний произведен. Благословенный зовет — "Иду, Господи, для новой работы".

Я имел счастье слышать из уст Наставника три случая блестящего выполнения Велений Жизни. О них скажу дальше.

Просветленное и очищенное сердце имеет тысячу глаз и десять тысяч ушей. Таково было Сердце Наставника. Это большое преимущество для сознания, проникнутого служением Общему Благу, но зло крайне болезненно для физического проводника, пока не выработана сопротивляемость ядовитым потокам эгоистических недобрых мыслей, направляемых в адрес его обладателя. Трудно представить, каким удушающим смрадом низких мыслей и чувств наполнено пространство. Они скользят, как змеи, вылетая бесцельно, бессмысленно из тысячи аур; без контроля, почти механически ищут созвучных ответов, чтобы впитаться и усилить своей гнусностью зло для допускающего такие мысли в тайники своей души. Нервные центры, забитые разлагающимся астралом, легко впитывают этот ядовитый газ, ибо центры, сами способные создавать низкие мысли, не отличают своего от чужого. Это взаимоотравление миллионных масс человечества нивелирует обычаи, желания, вкусы, толкая все яркое в болото обывательщины. Наставник не только знал, но почти видел эту бездну мрака, окружающую неплохие души. Зрительная чуткость его была на границе тонкой видимости. Он всегда вглядывался пристально в собеседника или в толпу, и было ясно, что он не просто смотрит, но воспринимает. Еще острее был внутренний слух. Он часто

слышал предупреждающий голос Матери, особенно когда приходилось быть в многолюдных собраниях и нужно было принимать неожиданное решение. Понятно, что голос звучал, когда принятое решение могло привести к невыполнению взятого обета.

Всегда чувствуя руку Ведущего, Ю.Н. знал, что должен действовать самостоятельно и что помощь дается лишь, когда нужно провести длительную ментальную подготовку, чтобы избежать плохого исхода начатой работы. Был случай, когда Голос о неприятности ожидавшей звучал задолго до события (кажется, за месяц). За несколько же дней предупреждение пришло через постороннее лицо. Несколько человек из одного учреждения зашли для консультации. Люди малознакомые. Голос одного из них показался особенно приятным. Когда уходили, Ю.Н. несколько задержался в кабинете, вопреки обыкновению. В это время входит уже одетый "доброжелатель" и буквально повторяет слово, слышанное месяц назад. Было ясно, что этот добрый человек был под симпатическим влиянием и предостерег от шага, который мог бы иметь печальные последствия.

Активные культурные, научные и экономические связи со странами Азии вызывали большой интерес к искусству и религиозным культам этих стран. Университет Культуры организовал лекции по культам и философии религий для широкого круга преподавателей общественных дисциплин вузов. В программе значилось и знакомство с буддийским культом. К этому времени (конец 1958 года) в научных сферах столицы пользовались известностью выступления Ю.Н. как знатока буддизма. Его-то и пригласили прочесть несколько лекций на курсах.

"Пришел я за 20 минут до начала, — рассказывает Ю.Н., — в это время читалась лекция об иудаизме. Дверь в аудиторию открыта, и я все слышу. Робость овладела мною, когда я услышал узкое, формальное, лишенное жизненной правды изложение. Я подумал, что не смогу дать такого изложения, и уже грустил. После звонка вошел в сопровождении декана в аудиторию. Присмотрелся и вижу усталые равнодушные лица. Начал излагать историю распространения буддизма и своеобразные формы, в которые вылилось это учение у разных народов.

В это время слышу перебивающий вопрос к председателю: "Что же это, товарищи? Перед этим мы два часа слушали об еврейской религии, сейчас же начинается о распространении буддизма, ведь мы собрались слушать антирелигиозные лекции".

"Вообразите мое состояние, — говорит Наставник, — я гляжу и вижу взлохмаченную голову, буквально волчью физиономию, вперившуюся в меня. Председатель, обращаясь на "ты" к "физиономии", просит успокоиться и говорит, что лекции читаются согласно программе. Что прежде, чем бороться и возражать, нужно изучить противника. И неудобно преподавателям вузов возражать по шпаргалкам, не умея объяснить аудитории, почему же эти "глупые" Учения существуют и имеют последователей многие столетия. Мало-помалу слушатели тоже начали цыкать на выступившего, притом тоже на "ты". Наконец, все стихло, председатель извинился и просил продолжать лекцию. Лекция прошла с успехом, вызвала интерес. И этот интерес нарастал по мере того, как я от характеристики культа перешел к морали философии буддизма. После окончания посыпались вопросы, на которые я не успевал отвечать. Пришлось прекратить, ибо следующий лектор ждал очереди".

С улыбкой Ю.Н. раскрыл объемистый портфель и вынул оттуда грудку записок. "Видите, сколько вопросов еще ждет ответов. Вопросы продолжают поступать и по почте".

Видя мою заинтересованность, Наставник предложил прочесть свой конспект. На что я с великой радостью согласился. Особенно врезалась в память часть философская. С глубокой искренностью цитируя Энгельса и Ленина, Ю.Н. отметил, что эти авторитеты не отрицали роли, какую сыграли моральные догмы религиозных Учений народов, и роста их культуры. Слушая конспект, я пришел в такой восторг, что попросил разрешения кое-что записать. Сейчас я нашел эти записи (часть утеряна) и, пользуясь ими и частично вспоминая, постараюсь восстановить слышанное.

Диалектичность мышления Будды поражает, когда сравниваешь Его воззрения с высказываниями Энгельса. Достоин удивления, как за 2500 лет в Индии появились представления о мире более глубокие, чем в древней Греции. Будда считал бессмыслицей философию, которая могла бы удовлетворить все эпохи и века. Ведь мир, по мысли Будды, — это система, где нет ничего вечного и, следовательно, нет и вечной истины.

Энгельс пишет: "Жизнь природы, человечества или наша собственная душевная деятельность представляется бесконечным сплетением связей и взаимодействий, в которой нет неподвижного и неизменного, но все движется, изменяется, возникает и исчезает". (Цитата из моей записи). Нельзя смешивать Учение Будды с тем, во что оно превратилось и что мы изучаем под именем буддизма. Учение Будды чистое, глубоко милосердное и простое. Последователи Его, которых насчитывается больше, чем последователей других религий вместе взятых, запутали простые мысли Учителя, огрубели. Они прежде всего объявили Будду богом и на том успокоились. Только немногие могли подняться до понимания простоты и величия Его воззрения и старались распространять и проводить в жизнь данные им высокие моральные принципы.

Известно, что основные идеи Учения Будда передавал устно ученикам и окружающим Его. И только 400 лет спустя после смерти Его тексты высказываний были записаны под названием "Трипитака".

Трудно восстановить основные идеи Учения. Раскрытием их занимались ученые-исследователи всех стран мира. В свете этих раскрытий рисуется такая картина: "Все люди — дети одной матери-природы. Все равны перед ней. Князь или раб, богатый или бедный, вельможа или простолюдин — все живут под одним солнцем, все одинаковы перед лицом природы. Преимуществом является не знатность, не богатство, а поведение человека, его жизнь. Следуй велениям разума, природы, совершенствуй себя, и ты обретешь и мудрость, и знатность, и богатство. В мире господствуют закон и порядок, произволу нет места. Против этого закона бессилён любой закон. В том числе и человеческий. Но закон этот не Бог всемогущий, сверхъестественный, стоящий над людьми. Зная закон, человек может приспособить к нему свою жизнь и согласовать ее с ним.

Буддизм, возникший сначала на индусской почве, перекликается с древнейшим Учением ведантизма. В Ведах обожествляется природа, а боги имеют власть над людьми. Но власть эта не жесткая, а заботливая, дружественная. Человек доброй жизнью может заслужить расположение Богов и даже награду за свои усилия. Боги сильны, но не всемогущи. Многое во Вселенной, как и сама Вселенная, Им не подвластно.

Трудно сказать, насколько история сохранила мысли Будды в чистоте. Слишком высоко стоял дух Учителя над Его временем. Лучшие ученики Будды оказались неспособными воспроизвести Его мысли. Даже любимейший из них не был достаточно изощрен, чтобы считать его сообщения о сильнейшей философии Будды верными по существу.

Не удивительно, что впоследствии возникали национальные формы буддизма. С полным основанием можно говорить о буддизме китайском, бирманском, цейлонском, тибетском. Народная фантазия перемешала принесенные идеи с господствующими ранее религиозными формами, создав свою культуру, обрядность, искусство — свой ритуал.

Будда не присваивал себе права совершать служения, принимать жертвы, никогда не считал, что какой-либо культ мог помочь в деле снятия с души человека его пороков и привести к доброй жизни без воли самого человека.

Индийцы называют диалектику "Кшаника вада". Философы Индии и историки религий считали, что всякое религиозное Учение, возникая, опережает эпоху, что состояние сознания людей времен Будды намного отставало от передовых идей, которые несла проповедь Будды.

Мощная личность основателя оставила несмываемый след Его Образа, сохранившегося в веках. Не могли забыть последователи Его царственного облика пробужденного Обладателя совершенной Истины, недоступной смертным.

Поэтому легенда о рождении в семье раджпутского клана, в двухстах километрах от Бенареса, ребенка — будущего посланника Божия, была легко и благоговейно принята народом. (По другому преданию Будда родился в южной части Непала).

С детской наивностью слушали толпы сказание о том, что 29-летний царевич покинул родителей, жену и только что родившегося сына и стал санником. После семи лет размышлений и внутренней борьбы он принял имя Будды — просветленного.

Сорок лет он проповедовал новое Учение в окрестностях Бенареса и Бихара. Восьмидесяти лет отошел в Нирвану. После смерти Учителя первые века оставили память в нескольких учениках — последователях новой религии. Образы их, достойные удивления, набожно сохранились в букете легенд, таких же священных, как и легенды о Будде. Подражание Учителю, осуществление в жизни Его милосердного и простого Учения были свежи в памяти, а потому и легко применимы.

Мало-помалу время стерло чистоту и глубину идеала простой жизни, заменив его диалектически противоположным, но более легким в выполнении — блестящим культом поклонения образу Будды.

Образовались общины буддийских монахов на Цейлоне, в Бирме, Сиаме, Непале, Тибете, Китае, Японии, Камбодже, на Яве, Суматре, которые ставили целью широкую пропаганду в массах. В отличие от других религий, свято охраняющих священный язык, на котором писались канонические книги, буддизм, распространяясь среди самых различных стран и народов, стремился усвоить местные наречия, переводил и истолковывал народу книги на родном языке. Этим он был популярен и почитаем народом. К услугам проповедников создавалась обширная литература из легенд, биографий, притчей, полурелигиозных рассказов о предыдущих жизнях Будды. Все это легко усваивалось и вызывало волны почитания и преданности. Интересной чертой буддийских общин была их корпоративность. В отличие от монастырских объединений других культов, общины буддийские получаемые ими дарственные земли от богатых почитателей считали общественной собственностью, которая не должна служить интересам отдельных членов.

Ценности, накапливаемые здесь, сполна использовались для общего дела. Так, обогащаясь, буддийский культ все более вдавался в роскошь. Строились монастыри, в услужении которых состояло множество монахов. Всю силу творческого вдохновения эти служители отдавали расширению и процветанию памятных мест жизни Учителя и Святых. Воздвигались роскошные здания священных предметов культа: символические "колеса закона", дерево (бадхи) и многочисленные изображения Будды, замечательные по красоте выполнения и материалу (золото, драгоценные камни, слоновая кость и т.д.).

Десятки миллионов монахов-общинников, ведя суровый образ жизни и строго выполняя предписания о подавлении чувственных желаний, были создателями неповторимых образцов зодчества и скульптуры. Подземные храмы Аджанты, Эллуры — дело их рук. Уникальные образцы их искусства имеются в Кабуле, Пенджабе. Их творчество дало толчок пышному расцвету не только культового искусства, но положило фундамент широкого народного творчества в бытовой и гражданской архитектуре.

Особой формой культового зодчества, сохранившегося до сих пор, являлись так называемые "ступы". В городах, селах, при дорогах воздвигались эти памятные знаки, увеличивающие значение погребенной под ними реликвии буддийского культа. В большинстве они представляли массивные каменные столбы, напоминающие пилигриму или путешественнику о Великом Основателе. Иногда ступы оформлялись в виде полусферы, стоящей на сложенном сплошь из кирпича барабане. Эта форма имела символическое значение, напоминая небо — символ бесконечности или Нирваны Будды.

Позднее появилась новая форма ступы, вытянутая острием по вертикали. Эта форма была праматерью готического стиля в архитектуре.

Хочу отметить интерес Энгельса к философии Буддизма. Он упоминает о буддийской философии как о диалектической. Вероятно, он знал и о школе буддизма, сторонники которой принимали только философию Будды. Они были противниками поклонения Его образу и установления Его изображений, ибо считали Будду человеком.

* * *

Расскажу о лекции, прочитанной профессором для аспирантов Института Востоковедения. Лекцию читал гостивший в Союзе пандит непалец Чандра из колледжа в Катманду. Тема особенно привлекала коллектив Института, потому что затрагивала специфические стороны буддийского культа и преломления Учения Будды в сознании древнейшего народа.

Непал — страна, на территории которой расположен самый высокий горный барьер Гималаев, отделяющий Индию от остальной Азии. Ученые-геологи считают Гималаи могучим завершающим звеном Великого каменного пояса Земли, который, начинаясь с Пиренеев и Аппенин, проходит через Альпы, Карпаты и Кавказ в Европе, продолжаясь в Азии через Иранское нагорье, Памир, хребты Тянь-Шаня — эта горная страна вливается тремя потоками в Южную Азию. Главный центральный поток начинается мощной вершиной Нангапарбат в северном Кашмире. Поднимаясь все более по широте, эта огромная зубчатая стена составляет Главный Гималайский хребет, перерезающий высочайшими своими вершинами с запада на восток Непал.

Часть Главного хребта, разделяющая непальскую землю, является самой высокой и носит название Больших Гималаев. Этот горный массив начинается в западном Непале заснеженной вершиной теряющейся в облаках Дхаулагири (8221 м) и оканчивается на восточной границе Непала с Тибетом высочайшей вершиной мира Джомолунгмой, достигающей 9 километров.

На территории Непала насчитывается 26 высочайших вершин. Своеобразие природы Гималаев накладывает свой отпечаток на климат и этнический состав населения. Непал — страна тропических джунглей и вечных льдов. Не удивительно, что на богатой, но суровой непальской земле живут самые разнообразные народности. Издревле Непал был заселен племенами тибетско-бирманского происхождения, появившимися около 15 000 лет назад. В разное время в Непал проникали народы индийской группы. Смешиваясь с тибетцами и другими народностями, одни частично теряли свой тип, что отражалось в разрезе глаз, выступающих скулах. Другие же сохраняли большие глаза и прямой нос, но приобрели тибетско-китайскую узколицесть. Кроме того, отличны обитатели горной части от жителей долин.

Сейчас на территории Непала живут до 30 народностей, говорящих на 58 языках и диалектах. По широте Непал расположен в жарком климате, и если бы его территория не была гористой, то климат его был бы равномерно субтропическим. Горы же, занимающие большую часть страны, создают по вертикали удивительное разнообразие климатов. Здесь в миниатюре можно найти образцы всех природных зон, лежащих между тропиками и полюсами: субтропического, умеренного, альпийского и холодного климата. Так называемые долины здесь лежат ниже 1200 метров. Часты ливни. Небо голубое, безоблачное. Летом воздух знойный, влажный. Растительность богатая: заросли бамбука, гигантского папоротника. Леса густые — джунгли. Стволы обвиты лианами, диким виноградом. Ветви густо покрыты снежными хлопьями белых орхидей. В зарослях бурлит жизнь: тигры, носороги, кабаны, обезьяны, олени. Много птиц и ядовитых змей.

Средний пояс простирается до 3000 метров. Это самое удобное место для жизни человека. Лето умеренное, теплое (средняя температура +25°). Зима умеренная, средняя температура января 0°. Весна начинается в феврале. Днем уже жарко, но ночи

прохладные. На солнце зацветают малиново-красные рододендроны и лилово-розовые примулы.

Из четырех "Хранимых Долин" одна находится в Тибете, две — в Непале и одна в Северной Индии. Все в среднем климатическом поясе. Известная картина Н.К. "Гуга-Чохан" изображает весну в среднем климатическом поясе Гималаев. Лето здесь жаркое, как в Южной Европе. Растительность: кроме дуба, каштана, клена, вяза, черемухи, березы поднимаются сюда и растения предыдущей зоны — магнолии, камфорное и лавровое деревья, рододендрон. Много птиц и белок. Выше 3000 метров начинаются хвойные леса — серебристая ель, голубая сосна, кедр, лиственница, можжевельник. Стволы, как в тайге, покрыты мхами и лишайниками. Под елями растут кусты роз, барбариса. Клен, бамбук, рододендрон также проникают в эту зону. Из зверей: медведи, особый вид обезьян — лангуры, дикая кошка, мускусный олень. Есть змеи.

Альпийский пояс — суровый (4,5-6 тысяч метров). Средняя температура июля не выше +10°. Зимой морозы до -30° и ниже. Растительность — альпийские луга. Это пестрый ковер ярких, необычайно крупных цветов — голубые, желтые, красные примулы, горечавки, лютики, анемоны, астры. Даже розы и рододендроны встречаются в виде ползучих, низкорослых кустиков с тонкими, покрытыми пушком листьями. Из животных — дикие козы, тибетские антилопы, тибетский волк.

С высоты примерно 5000 метров начинается ледяная зона. Здесь температура летом не бывает выше 0°. Это царство вечных ледников, нагромождение обломков скал и льда. Царство неустанного движения и величайшего спокойствия Гималайских громад. Воздух уже на высоте 5000 метров так разрежен, что даже для тренированного организма он тяжел, вызывает головную боль, одышку, кровотечение, тошноту. Правда, местные жители — шерпы — могут подниматься без вреда для себя до 8-8,2 тысяч метров, тогда как европейцы должны пользоваться кислородными приборами. Если прибавить, что на высоте 7-8 тысяч метров обычная температура -20-40° и сильные ветры, то станет ясно, насколько трудны всякие восхождения. Все же чистота высокогорного воздуха и насыщенность его праной так велики, что непальцы, живущие на высоте 3000 метров и выше, никогда не болеют астмой и туберкулезом.

Человеку, смотрящему на сверкающие громады Гималаев, кажется, что эти вершины непоколебимы. По сравнению с краткой человеческой жизнью Гималайские вершины кажутся вечными. Гималаи, как и все горы Земли, возникли, меняют свой вид, и все же наступит время, когда эти колоссы исчезнут с лица Земли.

Геологи измеряют время существования Гималайских хребтов 25-30 миллионами лет.

Индийская легенда так объясняет возникновение Гималаев. Велением Богов должна была спуститься с небес на Землю священная Ганга. Земля дрожала от сокрушающих ударов водных громад. Только Шива мог выдержать эти удары. Он принял Гангу на свою голову. Ганга в пенящихся потоках пыталась увлечь в преисподнюю самого Шиву, но запуталась в густой гриве его волос. Голова Бога — образ могучих хребтов, а густая грива волос — дремучие леса, покрывающие склоны.

Удивительной чертой Гималайских хребтов является то, что, несмотря на колоссальную высоту и обилие снегов, не они являются водоразделом огромных рек Индии — Инда, Брахмапутры, Сатледжа и других. Реки берут начало в более низких хребтах, расположенных на Тибетском нагорье, затем прорываются к югу, перерезая Гималайский хребет, и в пропиленных водою диких ущельях с ревом несутся, белые от пены и брызг, на юг, в Индию.

Геологи объясняют это удивительное явление тем, что названные реки значительно древнее Гималаев. Они существовали еще до появления Гималаев. В Гималаях все время деятельно работают внутренние силы Земли. Это проявляется в частых, иногда катастрофических землетрясениях.

Отметим некоторые землетрясения последних десятилетий:

1933 год — в Катманду. На улицах образовывались трещины до полуметра глубиной.

1939 год, октябрь — долина Катманду. Длилось 12 секунд. В комнатах качалась мебель, вещи падали на пол.

1950 год, 15 августа — толчки длились на протяжении 20 дней. Страшные разрушения в восточных Гималаях. Глубокие трещины, каменные обвалы засыпали глубокие ущелья, запрудили реки. В долине Брахмапутры забились гейзеры. На поверхность воды всплыли слои нефти и асфальта. Были затоплены тысячи деревень, много человеческих жертв.

Думаю, друзья с интересом и удовлетворением прочтут это весьма несовершенное, схематическое изложение и смогут нарисовать в воображении чудесную природу и замечательных людей этого края. Ведь Непал в глазах европейцев был "загадочной, неведомой страной чудес". Страной за семью замками. Государством отшельников. Родиной Богов. Гималаи человеческая фантазия населила сверхъестественными силами. Как только не называли Непал европейцы. Но и теперь, когда культурная революция охватила страну и открыт более свободный доступ для туристов, вышеизложенные характеристики остаются в силе. И сейчас европейцы хотят ставить рекорды — непременно побывать на всех вершинах гималайских. Штурмуют ледяные шапки великанов, дрожа от холода, падая в трещины, сваливаются с обрывистых ледяных стен, преодолевая снежные бури и огромные ледники. Много экспедиций альпинистов всех стран мира кончились трагически, унося сотни человеческих жизней. Задор не прекращается. Трудно сказать, что пережили немногие подымавшиеся до высот 8000 метров и созерцавшие величественные громады скал, хаосы колоссальных обломков льда, зияющие ледяные трещины и пещеры с огромными сосульками, похожими на пасти древних чудовищ. И что прибавилось бы в их настроении, если бы, преодолев еще несколько сотен метров, они достигли вершин?

Высокие Ламы изумляются такой страстности. Свободно выделяя астральное тело и посылая его на любую высоту, они о вершинах знают больше, нежели альпинисты, терпящие много мук и лишений в физических телах. Слишком грубы, примитивны такие пути раскрытия тайн Гималаев.

Они достойны подвигов близоруких фантазеров. Их более хитрые собратья по ремеслу думают, что путем научного лицемерия и подкупа, а подчас грабежа и угроз оружием, им удастся раскрыть чудеса загадочной страны за семью замками и там нажать себе известность и, конечно, деньги, среди европейских любителей сверхъестественного и таинственного. Но они ошиблись в расчетах, двигаясь не в том направлении.

Ключи к тайнам надежно охраняются их духовной слепотой и материалистическим скептицизмом. Поэтому, получив доступ ко многому, они, глядя — не видят, осязая — не чувствуют. Тем важнее интерес широкого круга советских специалистов-востоковедов к лекции профессора-непальца, затронувшего вопросы большого общественно-политического, этнического и философского значения.

Лекция читалась на английском языке, который не был понятен для большинства. Приглашенный переводчик, недостаточно ориентированный в специальных вопросах, путано и примитивно старался передать буквальный смысл каждой фразы, останавливая лектора, чтобы не забыть услышанного.

Через несколько минут аудитория буквально взбунтовалась, неудовлетворенная качеством перевода. Было ясно, что присутствующие уловили ценность излагаемого и слабое знакомство с вопросами переводчика. Среди слушателей раздаются голоса просить Ю.Н., изъездившего Непал и знатока буддийской философии, заменить переводчика. Ю.Н. со свойственной ему деликатностью и скромностью отказывался. Раздаются хлопки, переходящие в аплодисменты — рассказывает мне один из присутствующих на лекции. Председатель просит Ю.Н. занять место в президиуме, предоставляя ему отдельную кафедру, с которой аудитория могла бы лучше слышать и видеть его. "Я наблюдал, — говорит мой собеседник, — с каким глубоким вниманием следил Ю.Н. за мыслями коллеги. С первых же шагов аудитория почувствовала, что для Юрия Николаевича не

существует преград ни в понимании, ни в словесной передаче. С каждой минутой он вдохновлялся, жестикулировал и творчески излагал воспринятое. Через полчаса взоры слушателей были прикованы к фигуре, улыбке, естественным жестам Ю.Н. и чеканно литературному оформлению перевода. Казалось бы, что между обоими ораторами протянулась невидимая нить, связавшая их сущности".

Полтора часа лекции и около двух часов ответов на вопросы было посвящено в этот вечер. Порой все забывали о непальце и с напряженным вниманием слушали каждое слово, каждый оттенок речи — не переводившей, а вновь творившей, улучшая качество оригинала. "Когда я переносил взор на профессора - пандита, говорит мой собеседник, я видел строгую, вытянутую в струну, спокойную, глубоко разумную, глубоко проникающую в сущность личность. Только живые, улыбающиеся глаза выдавали тайну, скрытую в глубинах его замечательного мозга. Эта тайна раскрывалась нам через фейерверк родной нам русской речи, льющейся из уст поэта, влюбленного в природу, в мудрых своей простотой людей Непала.

Я убежден, что в этот вечер все мы почувствовали, что здесь рядом с нами живет и работает человек, раскрывший много замков этой загадочной, неведомой страны чудес. Когда он передавал мысли лектора о том, как благоговейно чтут непальцы образ Великого Будды, многие из нас почувствовали, что наш переводчик знает о родине Богов неизмеримо больше, чем передает его скупая, насыщенная огнем речь.

Сияющие глаза, обращенные к коллеге в ожидании подтверждения правильности передаваемых мыслей, всегда вызывали одобрительную улыбку пандита-ученого. Все мы заметили то, как свободно по-английски изъясняется Ю.Н., спрашивая подтверждение правильности передачи некоторых сложных в переводе идей. Каждую такую остановку мы приветствовали одобрительными аплодисментами, чувствуя, с какой заботливостью старался донести точные воззрения ученого-специалиста до нашего понимания Ю.Н.

Уверен, что многие из нас сохраняют с благодарностью воспоминание об этом творческом переводе".

Сам Ю.Н. рассказывал о лекции лингвиста-языковеда из ОАР, читанной для широкого круга советской интеллигенции. Ученый араб был проникнут искренним желанием популяризовать мифы и сказания древнего Египта. Дать почувствовать русскому слушателю неповторимую красоту творений, сохранившихся через тысячелетия отпечатками древнейших папирусов. Переживая волшебные картины жизни солнечного бога Гора, рожденного богиней Нехбет — покровительницей Египта — от бога Солнца Ра, восхищенный араб не представлял, как его французская речь будет передана добросовестной и скрупулезно точной переводчицей.

"Попал я на лекцию случайно, говорит Ю.Н., имея полчаса свободного времени, заинтересовался темой на афише. В зале полно. Состав слушателей разнообразен: много рабочих, студенты... Глаза прикованы вниманием, интересом, желанием знать, разобраться и понять. Сел с края, слушал рассеянно, пока проходила усталость от уже проведенной части рабочего дня. Постепенно внимание включилось, и я раздвоил себя, слушая понятную мне французскую речь и русскую передачу. Бедная женщина серьезно и ответственно выполняла свою роль. Чем больше я вслушивался, тем больше огорчился. Замечательные творения великого народа выглядели если не карикатурно, то странно. Представляю, как огорчился бы лектор, если бы знал, что "точный перевод" омертвил то, во что он так стремился влить жизнь. Рассказывая об образе богини, который воспринимался всегда символически и притом различно, араб хотел подчеркнуть, что немногие могли проникнуть в истинную сущность богини как космической силы. Когда я услышал перевод, мы переглянулись с соседом, тоже понимавшим дикое несоответствие перевода. Я поднялся и вышел. А перевод был примерно таков: много почитателей было у богини, когда она выступала в одежде, но только единицы могли ее видеть обнаженной. По дороге я думал, что нет лучшего средства скрыть подлинник красоты народного гения, как дать механически точный перевод слов одного языка на другой".

Все, что я мог извлечь из закоулков памяти о встречах, подходит к концу. Рассказанное Наставником всегда потрясало, представляя строки богатой событиями жизни Великой Души. Остается сказать кое-что об интимном, что оставило след и повернуло волю к новым путям. Трудно писать об этом понятным слогом, трудно быть понятным даже друзьями, ибо многие вещи передаются от души к душе, и только в момент передачи получают настоящую жизненность. А есть и такие, которые возникают в молчании и которых нельзя даже произносить.

Перечитываю официальные строки некролога: гимназистом брал уроки у известного египтолога; основательно занимался монгольским языком. В 17 лет учился на индо-иранском отделении школы при Лондонском Университете — занятия... В 20 лет заканчивает Гарвардский Университет со степенью бакалавра индийской философии... Далее Парижский Университет — занятия санскритом, тибетским и монгольским языками... на курсах китайского и персидского языков. Учителей поражает (это в 21 год) необыкновенная широта не только лингвистических знаний аспиранта. Далее непрерывные путешествия, поездки, экспедиции по Индии, Сиккиму, Ладаку, Тибету, Монголии, Синьцзяну. Ширятся интересы: тибетская иконография, изучение религии, искусства, поиски рукописей и ксилографов, изучение буддийской литературы, китайской культуры... А сколько здесь пропущено о том, что раздувало пламень духовных исканий и без чего весь подвиг Ю.Н. выглядел бы как стремление найти приложение бьющим через край способностям.

Вот этой стороны личности Наставника я и хочу коснуться. Не случайно, накопив большой научный и духовный опыт, Ю.Н. уже в 28 лет становится во главе Института Гималайских Исследований. Между 22 и 28 годами происходят с ним большие духовные перемены, даты которых теряются среди внешних событий его кипучей жизни. Расцвет лингвистических интересов и стремление осмыслить единство религиозных культов различных народов. Жажда удовлетворить эти интересы напряженной работой в научных и учебных центрах Европы — все это не могло не привлечь внимания тех, кто ведет планету по пути добра.

Наступил этот миг и для Ю.Н....когда тайное стало приходиться как намек, позже как свидетельство того, кто нашел, повел и раскрыл и, наконец, пустил одинокого и, видимо, оторванного путника "сеять добро и пожинать его плоды". Пустил по стезе отречения и скорби, заботливо помогая и бережно поддерживая. Обаяние физического облика больших людей опьяняет; интуиция начинает действовать обычно позже, когда в отдалении без помех фиксируется другой образ — высокий, трудный для охвата.

Никогда Ю.Н. не говорил: "Я знаю", никогда не поучал. "Я слышал", "Я видел" — были обычными при рассказах о больших событиях. Эта "мелочь" характера тогда казалась неважной. Никогда не отвечал на вопросы: "Нужно сделать или поступить так-то". Обычно для ответа выносил из соседней с кабинетом комнаты нужную книгу Учения и, указывая на шлоку, предлагал подумать. "Ответы" всегда попадали в цель. Как же великолепно знал и продумал сам каждый штрих предлагаемого! Он был подлинным "Учителем на земле". Из заданных вопросов я сохранил некоторые "ответы", записав номера шлок.

Как-то я поделился с Ю.Н. результатами изучения полупроводников, свойств тонких энергий, перспектив радиоастрономии. Экспонаты Политехнического музея так захватили меня, что я с жаром рассказывал о своих "находках" в областях, новых для меня. Попросил выслушать меня, мои мысли о связи последних открытий с пространственными огнями, которые вызвали эти открытия.

Ю.Н. сказал, что завидует моему глубокому проникновению в сущность сложных изысканий современности, что не разбирается в этой сложности, что плохо помнит даже гимназическую физику. Когда же он предложил "прочитать" из второй части книги "Беспредельность" шлоки 827, 828, 829 и особенно 810 и произнес полные мудрого понимания мысли о Космическом Магните, я понял, что то, что мы пытаемся охватить

как проявление физических закономерностей, Ю.Н. раскрыл в себе как Закон Духа, творящий природу и человека. Не многим дано так понять. Потому они обрели дар проникать в природу и человека Высшим Знанием. Легко было говорить по этим вопросам с Наставником.

Можно удивляться, как Ю.Н., не зная физики, мог предложить продумать параграфы 831-834.

Несомненно он знал и про полупроводники и тонкие энергии, но пришел к знанию другими тропинками. Впоследствии, уже после его ухода, посетив квартиру-музей Наставника, я увидел на полках книги последних изданий по высшей математике и по физике. Не для себя, но из желания быть понятым тратил он время на чтение, время, которого ему так не хватало. Учение требует широты, недоступной среднему уму. Вижу, как ученый лама Л. подготовил ученика, раскрыл свойства, необходимые для успешного выполнения жизненной миссии.

"Неведение лучше, чем головное познание", поэтому лучше посвятить аспиранта в "Учение Сердца".

Посвященные ламы, выполняющие поручения Владык, "раскрывают уже готовые проводники". И все же физическая помощь Гуру — Наставника — необходима для такого ускорения. Но нужно помнить, что в данном случае не ученик ищет и выбирает, а Гуру находит выбранного им ученика. Разница во времени объясняется неподготовленностью желающего и упрямой неспособностью осуществить прямые указания.

Потому невидимый Гуру проводит больше времени, наблюдая подающий надежду объект и ожидая готовности выполнить прямое указание. Он испытывает, оценивая его одаренность и силы кипения сердца. Поэтому не часто ламы находят "кипящих сердцем" учеников среди европейцев. Невозможно представить, как облегчается передача знаний от физического Гуру, когда в тайнике сердца созрела "твердая решимость посвятить себя служению страдающему миру".

Для первых шагов необходимо безотказное владение психическим аппаратом и способностью произвольной абстракции от внешнего мира. И это все. Но сила, раскрываемая в ученике при такой передаче, так велика, что она может убить самого ученика и искалечить окружающих при неправильном ее применении. Мы ропщем, что не приходит озарение, когда мы, видимо, чисты и доброжелательны. Но посмотрим, друзья, на свои "плохие" и, тем более, на "хорошие сны": сколько в них непорочности и жертвенной отреченности? Это к нам относятся слова "Голоса Безмолвия" о пороках, хохочущих и рыдающих на закате солнца: о роях мыслей, уводящих в "паутину обольщения".

Помню намеки Ю.Н. о зеркале души, которое безобразно увеличивает даже пылинку, которой не придавали значения раньше. Недоумевал я, когда Ю.Н. сдержанно говорил о приеме соды и других лекарств, о чем так настойчиво пишет Е.И., советуя не забывать их приема.

Параграф 217 из книги Мир Огненный кн. II показал мне односторонность моего понимания. Несомненно ценные представления получал Ю.Н. и от родителей. "Советуя, Отец никогда не настаивал, и мне, уже прошедшему школу самостоятельного обучения, не раз приходилось раскаиваться, когда, спрашивая, я решал поступить по-своему".

Вспоминается разговор о болях. Тогда я не понимал, что сердце может сжиматься и гореть, воспринимая атмосферические огненные битвы. Я думал, что боли происходят, когда, сосредотачиваясь, ученик перенапрягает центры, и это вызывает чувство рези в плечах, висках, гортани, но никак не в сердце.

Параграф 213 из книги А.И., читанной неоднократно, внес ужасающую ясность и необходимость соблюдения сугубой осторожности. Также параграфы 220-465 и 471 воспринимались иначе, чем прежде. После прочтения первого тома писем Е.И., я как-то глубже почувствовал величие Духа автора писем, чем читая и восхищаясь мудростью

Агни Йоги, которая первой попала мне в руки. Очевидно, мощь идей Учения была так захватывающа, что стерла представление о Лице писавшем. В письмах же предстал живой человек, мудро мыслящий.

Почти весь вечер спрашивал о Матери, о ее жизни, работе, детстве, общении с Учителями. Мало что удержала память отчетливо. Все слилось в одно высокое, прекрасное, звучащее, как песня. Запомнился не к месту заданный вопрос: видел ли Ю.Н. Учителя? Когда в простых словах Наставник развернул передо мною картину Пути, приведшего Родителей к стопам Благословенного, я, не удержавшись, спросил: "Извините, Ю.Н., не считайте мой вопрос тупым и глупым, но он волнует меня. Даже ваш отказ я приму спокойно". Ответ был прост: "Разве мы, я и брат, могли стоять в стороне от ученичества?"

Еще запомнился рассказ об участии Матери в пространственной работе Учителя. О посещении ею в тонком теле Лаборатории Крепости, конденсирующей космические энергии. Позже, читая "Мир Огненный", я вспомнил о рассказанном, когда прочел параграф 220 из книги второй, подумал, каким же мужеством и бесстрашием должно обладать Сердце, способное вынести такое напряжение.

Многое не могло быть затронуто. Помню, вскользь отметил Ю.Н. важность ярких снов и пророческое их осуществление через много лет в жизни неопита. Обычно снам не придают значения, ждут их осуществления чуть ли не на другой день. Конечно, "верящие в сны" ожидают их на материальном плане: к болезни, к деньгам, к смерти и т.д. Сны, не выполненные в данный срок, забываются. Когда неопит находится на испытании, в снах обычно отражается неумение владеть своими мыслями, чувствами и действиями. Поэтому нельзя пропускать ни одного сна (в период испытания, а он может длиться десятками лет), не выработав в понимании его правильного действия на будущее. Иногда при сердечном углублении в книгу или мысль могут возникать "пророческие" образы сновидений.

Хорошо помню, как увлечение стихами Р.Тагора, особенно его сборником "Цветы моего сада", вызвало серию замечательных снов, и только через 5 лет они проявились конкретно в благотворных, творческих подражаниях поэту. Три года радостного труда подарила мне жизнь: вдохновенного желанья найти воплощение мучивших идей в образах тагоровской формы.

Много необыкновенных снов виделось за 40 лет занятий оккультными науками и теософией. Некоторые всплывали в памяти через много лет, когда полоса текущей жизни отражала образ почти забытый.

Иногда думаю, почему так медленно идет духовный рост многих, и вижу, что не последнюю роль в этом играет преступно легкомысленное отношение к снам как к капризам воображения. А ведь необычные сны возможны только при раскрывающихся центрах. И сколько благотворной помощи проходит бесцельно, гасимой стеной преступного невнимания к раскрывающемуся новому миру.

Сны, приведшие к соприкосновению с Агни Йогой, посещали меня за десять лет до фактического знакомства с Учением. И поводом явилась замечательная книга Ольденбурга "Будда, его жизнь, учение и община". Используя большой ряд первоисточников, а также предания и легенды, автор в объективно научном исследовании раскрывает полную трогательного драматизма и глубины жизнь аскета Гаутамы, достигшего высшей Божественности, преобразующей его в Будду — Пробужденного.

Жизнь Великана Духа, на тысячелетия захватившего умы почти половины человечества, проходила как видение, писанное красками ученого, понимающего и чувствующего.

Целое лето, среди природы, погружался в чтение, читая, думая и снова перечитывая. На 4 месяца книга оторвала меня от действительности. Бесперывное пребывание на

природе помогало отрыву. Днями в лесу, в поле сидел, очарованный узанным, плавая в облаках невидимых, но ощущаемых. А когда наступала ночь, эта неясность ощущений приобретала непонятные формы, о которых не подозревал мой трезво настроенный рассудок. Незнакомая мне природа, снежные дали, озера удивительной прозрачной голубизны, каменные постройки со шпильями, устремленными в небо. Невозможно ни передать, ни вспомнить всего. Сейчас все перепуталось и потому рассказ составлен из обрывков различных снов.

Это не фотография сновидений, скорее фантастический синтез из всего, почти полузабытого.

Раз, помню, палатки необычайной белизны с коричневыми узорами на крыше и стенах. Около люди желтолицые, узкоглазые, но приветливые. Палатки въелись в горы темно-зеленого камня, а вверху чистое голубое небо.

Часто сны были страшные или казались тогда страшными. Вспоминаю такой: среди песков и возвышенностей стоят в ряд люди. Одежда их необычна — длинные темно-красные плащи. На головах высокие шапки. В руках атрибуты неизвестного мне ритуала. Люди сосредоточены, глаза их прикрыты, словно они спят. Их лица восточные, узкоглазые. Небо над ними туманное, темное. Странное чувство: знаю, что это сон, хочется проснуться, но что-то задерживает, не пускает, мгновенно все меняется: то куда-то бегут огромные слоны, словно горы, близятся они, увеличиваясь по мере приближения к группе людей, стоящих в молчании. Еще миг и сонные люди с неестественной легкостью вскакивают на огромных животных и мчатся на меня. Они узнали, что я их вижу. И в ужасе, что я могу погибнуть под тяжестью бегущих животных, я кричу.

Проснувшись в поту и с бешено бьющимся сердцем, целый день не могу читать: все думаю и не понимаю. Вернее, переживаю что-то невысказанное. Сейчас, вспоминая далекие годы, вижу устрашающую тайну магизма, в облако которого попал тогда, не понимая связи с родственными элементами магизма, спавшего во мне.

Друзья будут спрашивать, в чем я нашел связь и предрасположенность происшедшего десяток лет тому назад с попавшими потом в руки книгами Учения. Неужели встреча с Наставником могла связаться в сознании с такими мало понятными намеками, которые, конечно, можно и забыть?

"К сожалению, — отвечу я, — поэтому такие "намекы" часто не сбываются. Память души просыпающейся имеет силу формировать, создавать, приближать действительность: не пережив этой способности, нельзя понять богатств, которыми обладаем.

Непонятливость надолго прерывает помощь и руководство. Будем бдительны, друзья, и чутки, тогда сны найдут пути и к нашей жизни".

Упоминал Наставник и о книгах, и особенно о рукописях, отданных в надежные руки во Францию. Разговор сложный, большой, полунамеками. Мало еще на земле людей, обладающих высокой интуитивностью и природной духовностью. Но все же эти люди есть везде и их попечению и труду поручается охрана и распространение бесценных сокровищ, передаваемых человечеству. Это люди смелые, широко знакомые с современной наукой и одновременно чувствующие силу предрассудков, в которых запуталась религиозная мысль в тысячелетних поисках примирения непримиримого: веры и знания. Ушли первые гностики — основатели Великих Учений, а преемники, владеющие Истиной, вертятся в противоречиях мертвой буквы, создавая свой слепой "гнозис" умствующих схоластов-книжников. А массы человечества смутно блуждают в потемках действительности, далекие как от подлинной науки, так и от подлинной религии. Кто же иной, как не эти смелые единицы-печальники, проникнутые жалостью к страдающему человечеству, станут каналами, утоляющими жажду ищущих?

Сложна их миссия, ибо даже люди, претендующие на звание вождей и учителей наций и народов, "не видят в себе ничего, кроме связки мяса, костей и мускулов, с пустым чердаком внутри — погребом ощущений и чувств" (из "Тайной Доктрины").

Поэтому нужно решить более трудную задачу: искать пути в мозг этих "претендентов", ибо их научный или религиозный авторитет в высокой степени способен гипнотизировать массы. По счастью, среди таких людей встречаются натуры достаточно чуткие, чтобы ощущать предлагаемое им и, главное, понять необходимость знания во всех областях внутренней и внешней жизни.

Искал знания и Ю.Н. Искал в Университетах и академиях, искал в разных странах и у разных людей. Больше всего его влекли архаические рукописи древних учений. В их символах он предчувствовал много.

Упоминается о Кали Юге как о темном периоде, нависшем над человечеством после утери им духовных богатств Атлантиды.

И о наступлении нового периода — Сатъя Юги, зарю которой многим из нас суждено будет увидеть.

Изучая первую половину пути экспедиции (от Сринагара), отметим перевал Зоджи-Ла (высотой 3529 метров) и далее Ладак, среди гор. Здесь много буддийских монастырей, хранящих памятники древнего тибетского царства Гуга. Большую ценную жатву собрали здесь исследователи. У Хота нагорье переходит в безлюдную пустыню Такла-Макан. На юге пески пустынь обрамляют хребет Алтин-Таг, составляющий северный рубеж Тибетского нагорья.

Южное нагорье Тянь-Шаня является истоком речки Тарима, теряющейся в песках; от Кашгара до Урумчи тянется узкая полоса оазисов, где находит себе пристанище редкое население — уйгурско-тюркская ветвь монгольской расы. Пески Такла-Макан недоступны для человека. Отсутствие воды и осадков, сильные морозы зимой и жара до 70° на поверхности пустыни превратили это место в кладбище городов древних цивилизаций. Глубоко засыпанные тысячелетними наслоениями песков, покоятся десятки тысяч свитков древних писем, криптографическая символика которых недоступна, даже если бы они были найдены и извлечены.

Говорят, что немногие старые ламы имеют ключи к расшифровке подобных свитков.

В подобных проходах Алтин-Тага есть заброшенные, бедные на вид, монастыри. Один лама-отшельник — единственный жилец здесь. Но в подземных коридорах скрыто много "сокровенных" книг, зашифрованного клинообразного письма. Так намекает Е.П.Б.

Пока эти богатства доступны лишь единицам. Для остальных они не понятны без дополнительных объяснений и комментариев. Было время, когда мертвая пустыня была покрыта городами с цветущей цивилизацией. Тысячелетние геологические перевороты разрушили страну, сухие пески засыпали мертвую почву. Только окраинные оазисы изредка заселены кочевниками. Говорят, что в глубине пустыни есть вода, есть даже оазисы, недоступные для непосвященных.

Около оазисов реки Тчертчен Пржевальский нашел следы древней цивилизации 3000-летней давности. В песках валялись монеты, слитки металла, обломки фарфора, посуда, человеческие кости. В гробах бальзамированные мумии могучих людей с волнистыми волосами. В каменном склепе найдено 12 мертвых в сидячем положении.

Путешественники слышали легенду о 23 городах, погребенных в песках. Ученые пандиты в Индии и Монголии говорят о ценных библиотеках, вырытых из песков и повествующих о принципах тайной магической науки. В тайных подземельях, свидетельствует Е.П.Б., существуют книгохранилища, принадлежащие Белому Братству, где хранится... цепь документов Учений, даваемых Великими Адептами странам разных эпох и народов.

На вопрос, почему тайны Сокровенной Науки не оглашаются, посвященные ламы отвечают: нет достаточно сильных людей сейчас, способных усвоить эту науку и принять во всей суровости отречения.

Мозговой же интерес неподготовленного профана может разбудить могучую силу у ее обладателя и причинить неисчислимо зло всему человечеству. Остается только ждать, когда умы и сердца современников будут просвещены настолько, чтобы не применить обретенное во зло себе и другим.

"Характерно, что в районе Хатана местные власти не разрешили раскопки даже таким верным людям, как члены экспедиции, а в Карашарском оазисе сильные землетрясения засыпали пещерные храмы с хранившимися в них ценностями... Только некоторые из них могла посетить экспедиция", — пишет Ю.Н.

Вторая половина пути (обратная) в Индию была спланирована по очень трудному высокогорному маршруту, впервые осуществленному европейскими исследователями, через Гоби и Тибет.

Здесь, в горных гобийских массивах, там, где горные хребты вклиниваются в песчаные котлованы пустыни Гоби, у верховья реки Янцзы, после перевала через высоту Дангла (4993 м), экспедиция была задержана тибетскими властями. Все же в трудных условиях горной зимовки экспедиция собрала ценный материал о кочевниках хопка, говорящих на утерянном наречии древне-тибетского языка. В долине Нагчу (страна Великих Озер) экспедиция посетила шаманский монастырь.

С проникновением буддизма в Тибет возникла своя форма буддизма — ламаизм. И первым восприимчиком этого культа был языческий шаманизм (религия поклонения богам в образе животных или низшим духам). Экспедиция обнаружила в монастыре многотомное собрание писаний тибетского шаманизма, исследовала древние погребения, памятники культа, живописную орнаментику в "зверином стиле", образцы оружия.

"Работа экспедиции в этих мало изученных местностях, — отмечает Ю.Н., — обогатила новыми материалами".

Хотя в отчетах экспедиции нет подробностей о ритуалах добуддийского шаманизма, да едва ли можно широко публиковать их, думается, что живые корни этой архаической веры продолжают действовать и сейчас в пределах буддийского ламаистского культа красных колпаков.

Ю.Н., описывая религиозные танцы в монастырях красных шапок, отмечает увлечение символикой адских обличей и скелетов. "Конечно, весь этот ад создан для худших слаборазвитых душ", — заключает он. Тесное переплетение картин первобытного шаманизма с превратно понятыми положениями буддизма создали в некоторых монастырях, монастырских общинах обстановку легкого обращения с колдовской магией. Вольный стиль эгоистического воздействия создал секты монахов-колдунов, практикующих методы "астрального запугивания".

В долине Нагчу и в областях Великих Озер очевидно получено много ценного материала, но не опубликовано. В отчете лишь говорится о преодолении высочайшего перевала Сонгмобер Пи (7000 метров), да о разведке мегалитических пластов в этой неизученной стране.

Как результат экспедиции, указано в отчете, был организован Институт Гималайских Исследований (1929), директором которого стал 27-летний Ю.Н.

"Ни возраст, ни положение, ни слабое здоровье не могут препятствовать усвоению Учения".

При всяком состоянии здоровья, болезни, возраста — духовный носитель сознания умещается в любой оболочке, какими бы качествами она ни обладала.

Несоответствие сознания с телом всегда дисгармонично, отсюда постоянная угроза ослабления, болезни и смерти: отсюда уродливый маразм старческого слабоумия.

Что же теряет увидавший Свет Учения, кроме поношенных лохмотьев? А находит очень и очень многое. Но Обет Учения — это правда в мыслях и действиях, любовное сочувствие ко всему в жизни. Известные слова, не новые мысли. Но как далека от них жизнь наша. Десятилетия читал и думал я. Но не было книги о Духе, которой не видел или не прочитал, а знание не приходило. Я болел и выздоравливал; болел тяжело и легко. Радовался и страдал, но, к моему огорчению, сундук, в который аккуратно складывал узанное из книг, не помогал мне жить. Наоборот, вселял мысль об идеальности, неосуществимости узанного.

Эта дисгармоничность сознания с телом создала оригинальную теорию, которой даже не гордился: что болезнь — это естественно, даже необходимо, что злиться, быть резким в обращении, чувствовать свое превосходство — естественно. И, если позволит здоровье, дожив до старости, умереть слабоумным, как все.

Но мне только казалось, что моя жадность к "духовной литературе", которую читал без разбора, что попадало в руки, не дает результатов. Внутри какой-то хозяин распорядился, укладывая все по полочкам, терпеливо ожидая, когда глуповатый философ-практик, носящий мое имя, откажется, наконец, от своего тупоумного бреда. Хозяин готовил мне сюрприз. И надо удивляться, как терпеливо Он принимал мое бесцельное чтение "духовных книг". Очевидно, Он знал, что пересилит глупого практика, очень упрямого и несдающегося.

Говорю друзьям: верьте в Хозяина и поменьше страшитесь этого. Может быть, ваши усилия раньше дадут плоды, может быть, позже, но всегда они осуществляются. Я уже стар, но преисполнен желанием творить и создавать, чего мне недоставало в расцвете зрелости.

Хочется рассказать, как обогатило сознание Учение Звезды Утра, как сердце не утеряло ни одной крохи из приобретенного за долгую жизнь. У каждого серьезно ищущего процесс обретения проходит мистериально. Не нужно страшиться слова мистерия, как чего-то недоступного. На своей ступени жизнь стремящегося несет неожиданные открытия: добрые и злые, сообразно восприимчивости ума и сердца.

Прошло время потрясающих египетских мистерий. Вырастало сознание рас и подрас, замыкаясь в логике эгоцентризма, и Великие Силы прошлых Учений перестали влиять. Но мистерии продолжали существовать. Они проходят в тех же испытаниях, но без пугающей обстановки искусственно созданного ритуала, а в более жестких влияниях психологического воздействия Года-Йога, начального расшатывания, а позже уничтожения эгоцентрической личности.

"Мы стремимся человека привести к жертве" (из "Чашы Востока"). Но есть облики, посылаемые всему человечеству. Их жизнь — подвиг в земном действии. Образец героизма духовного, проявленного в обычных земных поступках. Такова, по-моему, жизнь всей семьи Рерихов.

Снова и снова возвращаюсь к подробностям экспедиции в Среднюю Азию. Я вижу их всех, в том числе и женщин, преодолевающих физические лишения, страдающих от разреженности воздуха, горных перевалов, от холода, вьюг, горных ураганов.

Физическое здоровье подвергалось серьезной опасности. Но глубокая вера в необходимость перенести испытания и чувство постоянной опеки и помощи воодушевляли. На каждом шагу чудеса духовные переплетались с лишениями и страданиями физическими. Ведь первая половина пути шла по тропам, описанным в трудах их Великой Соотечественницы. В книгах, вдохновленных Десницею Того, Кто видел и ждал понимания, мужества и бесстрашия — от них, кому Он решил доверить могучее и страшное оружие воинов, принимающих удары темных полчищ и способных отдать всю жизнь, всю кровь свою на благо человечества. Всюду замечательные находки, поднимающие душу; видения посланников Шамбалы; всюду напоминание о Знаках, оставленных Великими Путешественниками. И только когда, казалось, окончен долгий путь и заветные ворота в Священную Индию широко распахнутся — последнее

испытание, самое тяжелое из всех — преодоление перевала Дангла и очень тяжелая зимовка в долине Нангчу. Тибетские власти не пускали дальше. На высоте 4000 метров в зимнюю вьюгу, в летних палатках, разрываемых вихрями, засыпаемых снегами, без денег и теплой одежды, экспедиция буквально погибала. Умирили участники экспедиции, падали верблюды. Ко всему — неизвестность, сколько времени могло длиться упорство властей, — угнетала, усиливала нервность; но уверенность в своих силах ускоряет развязку. Ведь там был шаманский монастырь: его обитатели могли баррикадировать магически пространство в долине и на перевале. Это мое личное предположение подтверждается словами Ю.Н.

"Наконец, тибетское правительство, получившее какие-то указания, прислало для уцелевших полный караван со всем необходимым, и весной 1928 года экспедиция благополучно достигла сиккимской границы. Читайте внимательно и изучайте "Сердце Азии", друзья, придете к тем же мыслям и выводам. Чудеса сопровождали караван экспедиции.

И огромный черный коршун стремился лететь через лагерь, и сверкающее "сфероидальное тело" среди синего неба. И замечания просвещенных Лам-руководителей. Только для оглохшего и ослепшего не ясны слова: "Прослушав свидетелей и будучи свидетелем, вы знаете о Махатмах", — и огромное, но осторожное — "Я не собираюсь убеждать в существовании Махатм".

Не вырывайте, малoverы, из души моей: "Я знаю, я видел".

Довольствуйтесь сказанным".

http://www.newepoch.ru/journals/12-8/verakso_8.html (напечатано в 1997г)